

— Знаю, но мы не были близки. Когда я со свахой Чжао уходил из деревни, из тех, кто шёл с нами, кроме Мин-гера, остальных я встретил уже в уезде, в квартале Аньци-фан.

Кварталы Аньци-фан есть в каждом уездном городе. Их строят на пожертвования от властей или местных зажиточных семей, чтобы помогать сиротам, престарелым, нищим и бездомным. Именно там Янь Ци однажды получил пару пилюль от лекаря из городской лечебницы.

Увидев, как Хо Лин хмурится, он невольно спросил:

— А чего ты вдруг про это вспомнил?

— Ты помнишь, я говорил, что в Шуанцзине видел двух яменских стражников? Слух пошёл, будто в усадьбе Шэнь что-то случилось, — сказал Хо Лин.

Янь Ци кивнул. Хо Лин продолжил:

— Я тогда торопился, не стал вникать, но брат Ян слышал кое-что. Пока сидели за столом, он мне и рассказал. Слухи ходят, будто дело связано с недавно нанятым в дом Шэнь слугой.

Плохие вести разносятся быстро, особенно в деревнях. Люди из соседних сёл ходят друг к другу часто, и если кто-то хочет разузнать подробности, найти знакомого в том конце дело пары часов.

У Янь Ци ёкнуло сердце. Он понизил голос:

— А что за дело? Брат Ян говорил конкретно?

Даже если они не были близки, имена и лица всё же были знакомы, не совсем уж чужие люди. Из-за серьёзного выражения на лице Хо Лина Янь Ци и сам ощутил тревогу.

— Говорят, дело о гибели человека. Погиб гер... — Хо Лин помедлил, — вроде бы сам бросился в колодец.

У Янь Ци лицо вмиг побелело, словно выцвело под луной. Хо Лин поспешил его успокоить:

— Но это может быть и просто слух, не факт, что всё правда.

Янь Ци долго молчал, потом поднял на него глаза.

— Нас тогда с горной деревни пришло шестеро: три девушки и трое геров... кроме меня и Мин-гера, остальные четверо пошли служить в дом Шэнь. Если бы погибла девушка, я бы не знал

наверняка, но если погибший — гер, тогда... тогда это может быть только он.

Он долго не мог прийти в себя, затем тяжело вздохнул и рассказал, что Мин-гера изначально тоже хотели взять в дом Шэнь, но не взяли из-за навета того самого гера.

Хо Лин впервые слышал об этом. Он помрачнел и тоже ощутил, как мороз пробежал по спине.

— Вы с Мин-гером по сути избежали беды... Если бы ты тогда не заболел, тебя бы тоже, скорее всего, забрали в дом Шэнь.

— Такие вот богатые дома, — задумчиво проговорил Хо Лин, — прислугу выбирают не как попало. Прежде всего внешность: чтобы лицо было правильное. Потом сообразительность, ловкость в делах. А если ещё и умеешь что-то полезное: шить, готовить, может, и повезёт, заметят хозяева.

Янь Ци кивнул, вспоминая.

— Помню, его фамилия была Тянь. Характер у него... резкий, всё норовил быть первым. Именно из-за этого мы и повздорили в Аньци-фане: по мелочам, пустяки, но он затаил зло. Потому из мести и Мин-гера в дом Шэнь не пустил.

— Мелкая ссора, — криво усмехнулся он. — А кто знал, что закончится так...

Он замолчал, взгляд остановился где-то в пустоте, в голосе послышалась горечь.

— Я ведь думал, с таким характером либо вырвется наверх, либо вляпается по уши... Но чтоб умер, да ещё так быстро - просто не укладывается в голове.

Он замолчал, потом тихо добавил:

— С его норовом он бы не стал просто так бросаться в колодец. Значит, что-то случилось. Его... довели.

Хо Лин тоже нахмурился, не находя слов. Голос Яня Ци стал твёрже, даже резче:

— Кто бы ни был виноват, без зла тут не обошлось. Эти Шэни... не зря о них ходят слухи. Наверняка что-то скрывают.

Хо Лин не стал спорить, лишь нахмурился сильнее.

— Не слышал, чтобы у Шэней плохо обращались со слугами... — неуверенно пробормотал он. —

Хотя, с другой стороны... о таких делах ведь редко кто говорит вслух. Особенно если речь о чём-то... грязном. Никому ж не хочется, чтобы деревенские, вроде нас, в этом ковырялись.

— Но всё-таки это странно, — Хо Лин помрачнел. — У таких больших домов, если кто-то и умирает, особенно из слуг, об этом редко кто снаружи узнаёт. Новенький слуга, да ещё купленный с улицы... даже если и пропал, кто станет искать? А даже если и узнают, скажут, мол, сбежал. А не то что погиб.

Янь Ци тоже нахмурился. Ситуация и правда выглядела подозрительно. Он всё больше склонялся к мысли, что Тянь-гер не сам свёл счёты с жизнью. Но человек уже мёртв. Что бы теперь ни думали, ничего уже не изменить. Он только тихо вздохнул:

— Остаётся лишь надеяться, что в следующей жизни ему повезёт больше, и он родится в доброй семье.

Хо Лин глянул на него с теплом и погладил по лбу:

— У тебя мягкое сердце.

Он замолчал на миг и добавил:

— Не стоило мне, наверное, рассказывать тебе об этом перед сном... Видно же, как ты переживаешь.

Он задувал лампу, а Янь Ци, кутаясь в одеяло, нащупал под подушкой маленькую тыквочку-оберег и сжал её в пальцах, как всегда перед сном, когда тревожно на душе.

Завтра Хо Лину надо было снова уходить в горы. Разлука, пусть и ненадолго, всё равно отзывалась внутри щемящей тоской. Вечером он ещё надеялся успеть выпросить у Янь Ци немного ласки, чтобы унести её с собой, но после услышанного тот, видно, совсем потерял настроение.

И потому Хо Лин только обнял его, ни на что не надеясь, и спокойно уснул.

□□——

Поход в горы предстоял короткий, поэтому нужно было постараться выкроить побольше времени на дела. Небо ещё не успело посветлеть, а Хо Лин уже тихонько встал с постели.

Здоровяк ещё толком не проснулся, но, завидев, что Хо Лин поднялся, возбудился и начал кружить у него под ногами, особенно, когда тот взял в руки плетёную корзину, которую использовал только для подъёма в горы. Хвост у пса так и мелькал в воздухе. Хо Лин боялся,

что тот поднимет шум, потому осторожно сжал ему пасть, сделал жест «тише» и указал на вещи, которые нужно было взять с собой. Здоровяк всё понял, послушно улёгся у багажа, как часовой. Хо Лин похлопал его по голове, собираясь умыться и пойти в дом, чтобы найти для себя и собаки что-нибудь перекусить.

Неожиданно из комнаты вышел Янь Ци. Он уже проснулся и ступал бесшумно, отчего Хо Лин даже вздрогнул.

— Проснулся и не разбудил меня, — прошептал Янь Ци, боясь потревожить трёх человек, спящих в восточной комнате.

— Зачем тебя будить? Раньше я и сам всегда вставал рано и выходил, — отозвался Хо Лин, на ходу проверяя кувшин с водой на низкой печке. Вода с вечера, конечно, уже давно остыла. Он хотел было просто выпить пару глотков, но Янь Ци мягко отодвинул его руку.

— Растопить огонь не так уж и сложно. Вода ледяная, не надо её пить, — сказал он и тут же сел, достал кресало и высек огонь. Подбросил в топку горсти сухих листьев и тонких щепок, разжёл пламя.

— Я тебе сварю пару яиц с собой. Вчера вечером старшая невестка уже отсчитала их: два сейчас съешь, два возмёшь в горы. До вечера точно не испортятся.

Хо Лин слушал, как тот спокойно шепчет, и на душе у него становилось тепло и тихо.

— Раньше в такие часы со мной и не разговаривал так никто, — сказал он.

А в горах и вовсе рядом разве что ветер, да собака, воющая где-то в тумане.

Янь Ци чуть улыбнулся:

— А теперь у тебя есть я.

Из сваренных четырёх яиц Хо Лин очистил два: одно отдал Янь Ци, другое съел сам. К ним был здоровенный кусок разогретой лепёшки, а на гарнир квашеные стебли горчицы, которые Янь Ци вчера вечером обжарил в масле. В таком виде они были ароматнее и лучше хранились, чем просто нарезанные.

— Тогда я пошёл. А ты возвращайся в дом, — сказал Хо Лин, проверяя нож за поясом и затягивая обмотки на голени. Закинул на плечо корзину и взял в руки бурдюк из оленьей кожи - Янь Ци наполнил его водой до краёв, хватит надолго, пока доберётся в горы.

Здоровяк, не дождавшись хозяина, бегал туда-сюда между дверью дома и воротами, не зная, к

кому прибиться.

— Я провожу тебя до калитки, — сказал Янь Ци, поправляя тёплый верхний халат и подгоняя пса вперёд. А Хо Лин, глядя на него, подумал, что за все годы, что он бродил вверх-вниз по этим склонам, это первый раз, когда ноги отказываются идти.

Дошли до калитки, но он всё тянул и тянул, пока Янь Ци не посмотрел на него с лёгким недоумением. И тогда Хо Лин наклонился и легко коснулся губами родинки у него на лбу.

Это родимое пятно у гера находилось на открытом, хоть и чувствительном месте. Янь Ци вздрогнул, и щеки вмиг вспыхнули ярким румянцем. Это была не тёплая постель и не надёжно скрывающие стены дома, а тропинка возле деревенского двора. Хоть час и ранний и людей поблизости не было, ему всё равно стало неловко.

Но Хо Лин не собирался уходить и после поцелуя. Янь Ци замер, а потом, будто догадавшись, чего от него ждут, на цыпочках потянулся вверх и коснулся губами его щеки — быстро, неуверенно, но с искренней теплотой.

Губы были тёплыми и мягкими, прикосновение едва ощутимым, но в груди у Хо Лина что-то глухо грохнуло, кадык дёрнулся, и он с трудом сдержался, чтобы не подхватить гера на руки и не унести с собой в горы.

□□.....

После семи дней его отсутствия хоть на первый взгляд в горах всё выглядело по-старому, присмотревшись, Хо Лин заметил: сорная трава, росшая где попало, уже заметно вытянулась. Такая дикая поросль, стоит только попасть под солнечный свет, тут же пускается в бурный рост. Сейчас оставалось дожждаться одного хорошего ливня, и тогда за одну ночь весь склон покроется сочной зеленью.

На тропе Хо Лин не раз наталкивался на олени лепёшки. Поднявшись выше, заметил и несколько следов, оставленных косяками. В горах Байлуншань, помимо таких, как он — промысловиков, хватало и охотников. Потому если проходишь по тем местам, где часты звери, нужно быть начеку: вдруг где-то рядом капкан или ловушка. Но у каждого промысла свои правила - охотники, устанавливая силки, всегда снимают кору с ближайшего дерева, чтобы оставить метку.

Пройдя больше часа и уже преодолев половину пути, Хо Лин остановился у горного ручья, зачерпнул воды, ополоснул лицо, смыл с себя жар и пот. Горная вода здесь не замерзает даже зимой, снег вокруг давно растаял, и если приглядеться, на влажной земле легко различить отпечатки крупных и мелких лап.

Здоровяк, напившись, бодро перескочил по камням, а потом и вовсе с разбегу прыгнул в воду, пару раз промчался туда-сюда и лишь после этого утомился.

Пока пес носился туда-сюда, Хо Лин тоже не бездействовал. Он поднял голову, внимательно оглядел кроны деревьев вокруг и заметил на одной из веток белый линчжи размером с ладонь. Прикинув высоту, он понял, что до гриба, висящего чуть выше трёх метров, он дотянется и без специальных приспособлений. Не теряя времени, он вскарабкался по стволу и, протянув руку, аккуратно сорвал его.

В горах Байлуншань линчжи встречается разных видов. Самым дорогим считается фиолетовый, за ним идёт красный, а остальные хоть и зовутся линчжи, по сути ничем не отличаются от обычных грибов. Некоторые, и вовсе, по вкусу уступают лесным опятам или лисичкам. Вот и этот белый линчжи в его руках — как лекарство от него толку мало, но высушить и сохранить можно. Потом, перед готовкой, вымочить в воде и пожарить с мясом вполне сойдётся.

Хо Лин подумал, что Янь Ци наверняка никогда не пробовал жареное мясо с белым линчжи. Он кинул гриб в корзину за спиной и решил: за следующие дни наберёт побольше, чтобы потом приготовить одно из блюд на свадебный стол.

— Гав! Гав! — Здоровяк, весь мокрый, неутомно бежал впереди, а Хо Лин, держа в руке крепкую палку, каждые несколько шагов стучал ею по стволам деревьев. Подобный шум, вкуче с лаем пса, надёжно отпугивал всех диких зверей поблизости.

На самом деле, в глубокой чаще не только человек боится зверей, но и звери тоже боятся человека. Разве что совсем не повезёт и лоб в лоб столкнёшься с кем-то, но такое бывает редко. Чаще всего все живут каждый сам по себе, не пересекаясь и не мешая друг другу.

Когда фляга опустела до последней капли, Хо Лин, наконец, добрался до середины горы, где и показалось его уединённое жилище. Дом стоял, как и внизу, трёхкомнатный, в один ряд под одной крышей. С тех пор как в этих местах остался только Хо Лин, он занял восточную комнату, а западную отдал Здоровяку: там он постелил плотный слой сухой травы, поставил миски для еды и воды.

В горах густой лес и сильные ветра, и всего за несколько дней без ухода двор превратился в беспорядочную кучу мусора — обломки веток, опавшие листья, принесённые ветром. Внутри дома пыли тоже накопилось немало. Хо Лин обошёл дом, пес следовал за ним, обнюхивая каждый угол. Убедившись, что дикие звери сюда не забредали, он наконец выдохнул с облегчением.

Сев прямо на порог, Хо Лин посидел, отдышался, размял уставшие ноги, а потом встал, взял веник и начал убирать двор. Всё собранное он сгреб в кучу, а затем закинул в мешок - пригодится для растопки в очаге.

Когда огонь в печи разгорелся, пар от закипающей воды потянулся вверх, а горячий воздух пошёл по дымоходу прямо в глиняный тёплый настил, понемногу выгоняя из дома накопившуюся сырость. Хо Лин сидел у печи, разламывая в руках прогретую до мягкости лепёшку. Он взял палочками щедрую порцию баклажанной пасты, зажал её в лепёшке и жадно

откусил прямо с хрустом.

Здоровяк, тоже изрядно проголодавшийся, нетерпеливо семенил вокруг него, перебирая лапами.

— Самому не хватает, а тебе ещё и со вкуснятиной, — проворчал Хо Лин, отломив кусок лепёшки и полив его той же баклажанной пастой, прежде чем поставить перед псом. — На, ешь. А потом ступай зайцев гонять. Поймаешь, я тебе зажарю.

Для собаки такого размера, как Здоровяк, еды нужно больше, чем взрослому мужику, и если бы он жил внизу, на него бы не хватало ни остатков, ни корма. А вот в горах другое дело: сам себе охотник, сам себя и прокормит.

Хо Лин, кроме всего прочего, притащил с собой в горы и мешок кукурузной муки из своей доли провизии. Как будет время, сделает кукурузных лепёшек: их и сам поест, и собаке даст. Но сейчас Здоровяк был полностью сосредоточен на еде: он уткнулся в миску и так увлечённо ел, что доносившийся звук был слышен даже снаружи.

<http://bllate.org/book/13599/1205869>